

Поскольку императрица сама задала вопрос, Ли Ми, естественно, не могла отказать. Ваньэр, проводив её взглядом за дверь, сосредоточилась на своих обязанностях: подала императрице ужин, затем проводила её во внутренние покои, помогла сменить одежду и совершить омовение. Перед сном императрица не пожелала бездействовать и взяла несколько писем. Ваньэр, заметив, что печати уже вскрыты, поняла: это уже прочитанные доклады. Императрица перечитывала их — значит, они либо очень радовали, либо сильно тревожили. Судя по её лицу, скорее первое. В последнее время империю будоражили два мятежа, и то, что могло так обрадовать императрицу, наверняка была победа — но на каком фронте?

Императрица, словно прочитав её мысли, закончив одно из писем, положила его на стол и с улыбкой спросила:

— Ты знакома с Дугу Шао?

Ваньэр слегка опешила, но быстро сообразила и неторопливо ответила:

— Я мало общаюсь с внешними чиновниками. Во дворце близко знаю лишь Цуй Мин-дэ и монахиню Ши Цзин.

Императрица рассмеялась:

— Она выиграла славную битву... — Казалось, она хотела что-то добавить, но сдержалась и, улыбнувшись Ваньэр и окружающим служанкам, сказала:

— Подробности я и сама не знаю. Подождите немного, потом сами у неё расспросите. — Отложила письмо, неспешно поднялась и спросила:

— Который час?

Ваньэр ответила:

— Почти полночь. — Уже миновало время, когда императрица обычно отходила ко сну, но та не проявляла желания отдыхать. Когда Ваньэр принялась развязывать её пояс, императрица повернула голову и как бы между прочим спросила:

— Когда смена караула у Гвардии Юйлинь?

Рука Ваньэр замерла на поясе. Она тихо ответила:

— Не знаю. — Выдержав паузу, всё же добавила:

— Прикажу узнать?

Императрица покачала головой:

— Не стоит. — Присела на край кровати и, словно вспомнив что-то, снова улынулась:

— Недавно ещё говорила с Сыцзы, что женщины в военном деле мужчинам уступают. И вот появилась Дугу Шао. Видно, на свете нет ничего абсолютного. Что мужчинам под силу, то и женщинам не чуждо.

На её лице появилось оттенок самодовольства — ясно, что речь шла не только о Дугу Шао. Ваньэр, зная её мысли, с улыбкой поддержала:

— Не то что не уступают, а, как Ваше Величество, и вовсе многих мужчин превосходят. — Императрица не приказывала ей служить, но Ванъэр, набравшись смелости, сама протянула руку, чтобы снять с неё нижнюю одежду:

— Я служу Вашему Величеству, как служила бы государю.

Императрица удивлённо взглянула на неё. Ванъэр, охваченная тревогой, опустилась на колени, прижала ладони к краю нижней одежды императрицы и глубоко склонила голову:

— Мужчины вечно твердят, что женщины в том-то и том-то им уступают. Но нынешние Дугу Шао, Цуй Мин-дэ, шангун Хэлоу, Ли Шанфу, Цин Нянцзы, Вэй Туаньэр... чем они хуже мужчин? Стало быть, женщины не уступают, просто мужчины их теснят, не дают проявиться. Я, хоть и не отличаюсь талантами, но по милости Вашего Величества была возвышена из числа служанок и желаю служить Вам верой и правдой — как подданный государю, как сын отцу, как... жена мужу.

Она отчётливо чувствовала, как ладони её вспотели. Сегодня она и впрямь погорячилась, отступив от своей обычной сдержанности. Но, высказав это, она не жалела. Проведя столько времени рядом с императрицей, видя, как одна за другой женщины, опираясь на её поддержку, применяют свои знания, решают дела, участвуют в управлении и прославляют свои семьи, она не могла оставаться равнодушной. Прежде её сдерживали два обстоятельства: вражда, унаследованная от деда и отца, и подозрительность императрицы. Но теперь, видя больше, она поняла: смерть её предков не была личной враждой — они просто оказались на острие ножа, став козлами отпущения за покойного императора. И мстить за это было невозможно — разве что империя перестанет носить фамилию Ли. К тому же императрица всё больше ей доверяла. В сердце Ванъэр уже давно зрело решение, и сейчас она его высказала. Оно соответствовало и её желаниям, и её будущим выгодам. Единственный изъян — некоторая неосторожность формулировок, да ещё в такой двусмысленный момент. Но стоило ей вспомнить Фэн Сяобао, служившего в галерее, как она понимала: риск того стоил.

Почему-то она была уверена: императрица не станет её за это карать.

Она угадала.

Императрица не только не разгневалась, но и ущипнула её за щёку:

— Коли так, больше не носи одеяний внутренней служанки. Одевайся, как внешние чиновники, в мужские халаты и головные уборы. Впредь на советах не прячься по углам — стой рядом с внутренними придворными, вставай в ряд и совершай поклоны, как мужчины. — Не дав Ванъэр опомниться, вдруг добавила:

— Разумеется, днём можешь служить, как подданный, а ночью... не возбраняется и как жена.

Примечание автора:

Сценарий:

Ванъэр: Ваше Величество, я могу всё, что могут мужчины!

Цзэтянь: Например?

Ванъэр: Например, взойти на Ваше Величество.

Цзэтянь: ...

Ваньэр, скончалась. Причина — посягательство на вышестоящего, также известное как «нижний свергает верхнего».

бу «Я ничего не знаю, всё это выдумки, и я не раскрываю высшие государственные тайны Великой Тан» Юнь.

Матушка лично приняла Хулюй Чжуна, наградила его вином, мясом, золотом и шёлком, а также подарила дворцовых служанок. Затем она издала указ, выразив тёплые слова одобрения Дугу Юанькану и Дугу Шао. Все, кого Юанькан представил к наградам, были утверждены. Дугу Юанькан получил дополнительно сто дворов в качестве наследственного владения, был повышен до генерала-помощника, пожалован пятью тысячами отрезков ткани и правом передать привилегии одному из потомков. Все обвинения против Дугу Шао были сняты, и её наградили по заслугам. Если судить только по должности, её просто вернули в Всадницы Мулан и пожаловали тремястами отрезков ткани — ничего особенного. Необычным было лишь то, что матушка напрямую пожаловала ей титул сянцизюнь.

В нашем государстве женские ранги, помимо титулов императорского рода, либо добываются службой во внутренних покоях — как историки, хранители, шангуны и прочие, — либо жалуются в зависимости от чинов мужей или сыновей. Получить титул сянцизюнь за заслуги было делом неслыханным. Однако, раз уж появилась женщина-генерал Юцзи, то пожаловать титул сянцизюнь не за то, что она чья-то мать, жена или дочь, тоже не стало чем-то из ряда вон выходящим. Более того, позволить женщине, имеющей заслуги, получить подобающий женский титул куда более уместно с точки зрения этикета, чем оставлять её при военном звании генерала Юцзи. Поэтому пожалование Дугу Шао титула сянцизюнь почти не встретило сопротивления.

Полагаю, большинство сановников рассудили по принципу «из двух зол выбирают меньшее», не подумав о том, что женщина, осмелившаяся в одиночку прорваться на передовую, рождается раз в тысячу лет. Установи строгие критерии — и, возможно, за всю эпоху Великой Тан будет лишь одна Дугу Шао как исключение. А титулы сянцизюнь жалуются ежегодно. Открыв прецедент, когда женщина может получить титул, не завися от мужа или сына, отныне женщины смогут заслуживать почётные звания собственными силами, не прибегая к посредничеству мужчин в государственных делах.

В середине ноября Дугу Юанькан вернулся в столицу. Министерство церемоний подготовило для него пышную встречу: не только огласили победные реляции, устроили музыку и танцы, но и специально, перед самым въездом в город, публично объявили о наградах ему и его воинам. Матушка также приказала не ставить заграждений, позволив народу толпиться вдоль дорог и приветствовать его. Юанькан же привёл пленных мятежников в колодках и цепях, отобрал самых рослых и сильных воинов для конвоя и, облачённый в яркие одежды на взмыленных конях, промчался через город, приковав к себе взоры countless людей.

В разительном контрасте с триумфом Дугу Юанькана премьер-министр Пэй Янь был брошен в тюрьму по подозрению в связях с мятежниками и заговоре с целью мятежа. Дело раскрылось в начале ноября, и уже через несколько дней вышел указ, определявший вину Пэй Яня: казнь трёх поколений рода, ссылка родственников, конфискация женщин в казну. Его казнили вместе с пленными, приведёнными Юаньканом, на рыночной площади, а голову выставили на обозрение в окрестностях столицы.

Дело Пэй Яня провели стремительно. К концу ноября уже был составлен чёткий список: кому

казнь, кому ссылка, кому конфискация, кому понижение в должности, кому отставка. Чжоу Син оформил дело железно, так что даже те, кто пытался заступиться за Пэй Яня, не смогли ничего возразить. Дабы продемонстрировать беспристрастность, матушка специально отправила посланника в Западную столицу за мнением Лю Жэньгуя. Старый лис, видя, как ветер дует, открыто подал доклад, восхваляя прозорливость императрицы и утверждая, что Пэй Янь заслуживает смерти. Но втайне он подловил матушкиного посланника, спросив его: «А ты знал о мятеже Пэй Яня?» Посланник, естественно, стал убедительно и подробно перечислять признаки измены Пэй Яня. Лю Жэньгуй записал слова посланника в своём докладе, запечатал его сургучной печатью и велел отвезти обратно. Когда матушка вскрыла доклад, то увидела там подробное изложение речей посланника с обвинением его самого в том, что он «заранее знал о замыслах Яня, но не донёс». Была ли она действительно в неведении или просто сделала Лю Жэньгую одолжение, но этого посланника также сочли сообщником Пэй Яня и отправили на мост Тяньцзинь, где он стал ещё одной безголовой душой.

<http://bllate.org/book/16278/1467355>